

ОХОТНИЧЬИ УГОДЬЯ

Скалон В. Н.
ИСХИ, Иркутск

Охотничьи угодья – среда обитания охотничьих зверей и птиц и место приложения труда охотника – истинная основа охотхозяйственной деятельности. Среду обитания нужно изучать в самом широком значении этого слова, особенно с точки зрения интересов производства. Между тем, в настоящее время изучение, а тем более практическое распознавание охотугодий находится в зачаточном состоянии. Строго говоря, не существует единой точки зрения на то, какое содержание вкладывается в это понятие, а, следовательно, вопрос нуждается в обсуждении.

Указанная неясность отражается современной литературой вопроса. Большинство авторов склоняется к тому, что охотугодья суть геоботаническое понятие. В той или иной степени связанное с животным миром. Например, А.А. Кнize и В.Л. Леонтьев (1934) определяют охотугодья как флору и фауну местности. В.Ф. Дягилев (1934, 1936) как ту или иную сумму растительных сообществ. Г.В. Подубояринов (1934) прямо говорит, что «под типом охотугодий мы должны понимать тип растительности, как условие или среду обитания фауны и совокупности с комплексом видов фауны». Не говоря о других высказываниях этого рода, очень сходных с приведенными, отметим, что в них нигде не имеет места упоминание о производственной значимости понятия «охотугодье», хотя как бы мы его ни определяли, дело будет идти о том, как на данной территории осуществляется производственный процесс.

Иное понятие об охотугодьях высказывает Г.Н. Гассовский (1939, с. 12). Он говорит следующее: «один из основных вопросов реконструкции промысла и организации социалистического охотничьего хозяйства является вопрос о его сырьевой базе. Последняя составляется охотничьими угодьями, под которыми понимаются определенные территории со всеми их физико-географическими и экологическими особенностями и приуроченным к ним комплексом органического мира». При этом Г.Н. Гассовский подвергает критике

всех авторов, писавших об охотничьих угодьях. Совершенно очевидно, что писать об охотугодьях, как о сырьевой базе охотничьего хозяйства, можно только по недоразумению. Сырьевая база этой отрасли – госохотфонд, это бесспорно. Отметим только, что охотничьи угодья в понимании Гассовского становятся понятием столь обширным, что оно теряет смысл. Так, например, в бассейне р. Анадыря оказывается по его суждению всего четыре типа охотугодий: 1. Зона Анадырско-Чукотской альпийской тундры; 2. Зона Анадырской типичной или кустарниковой тундры; 3. Зона Чукотско-Анадырской арктической тундры; 4. Зона Анадырской лесотундры. Таким образом «тип охотугодья» по Гассовскому совпадает с понятием зоны или подзоны ботаников. Это вовсе бесполезно для производства, так как ничего ему не дает.

Не больше дают для производства рекомендации Г.В. Подубояринова (1934). Так, в главе 7-й своей брошюры он пишет: «для установления типов охотугодий пользуются типами лесов, принятыми в данном районе или области. В том случае, если эти данные не исчерпывают всех типов охотугодий хозяйства, тип определяется в порядке изучения в натуре». Бессмысленная исходная позиция автора приводит его к нелепому заключению.

Серьезную попытку разобраться в проблеме охотугодий сделал В.Ф. Дягилев. В определении охотугодий он исходит их чисто ботанических понятий и дает такую классификацию: 1. Растительная ассоциация; 2. Стация; 3. Видовой тип охотугодья; 4. Охотбиологический узел. При этом стацией Дягилев называет место, обладающее рядом благоприятных условий для жизни данного вида животного, где он находит достаточно пищи, убежище, место для размножения, обитает постоянно или временно.

Далее он говорит, что, как известно, растительная ассоциация есть основная единица в фитоценологии. Растительные сообщества, однородные во всех своих существенных частях, относятся к одной растительной ассоциации. Ассоциация имеет: 1. Определенный видовой состав; 2. Структуру (в смысле ярусности); 3. Последовательность сезонного развития. Она связана с определенными условиями среды (климатом, почвой, зооценозом). Ассоциация есть обычно единица исследования растительного покрова и его

хозяйственного использования. Типичными для Восточной Сибири будут различные лиственничники, бор-беломошник, бор-зеленомошник и т.д. Очевидно, что ассоциация может быть в известных случаях и стаций, обычно же животное обитает в различных ассоциациях и стациях. Исходя из этого, Дягилев вводит понятие «видового типа охотугодий». Оно означает комплекс местообитаний зверя, включая все его сезонные перемещения. Видовой тип охотугодий он считает мерилом бонитировки типов охотугодий. Идеален по его мнению такой случай, когда все это разнообразие стаций лежит по соседству друг с другом, не вызывая необходимости длительных перекочевок зверя. Тип менее ценен, если прерывается «пустыми» пространствами. Тип неполноценен, если в нем отсутствуют какие-либо стации.

Наконец «охотбиологический узел». Это большая территория, представляющая «определенный географический индивидуум, характеризующийся определенным комплексом географических ландшафтов». Примером такого узла он считает: «Озеро Байкал вместе с побережьем, Тункинские Альпы, Баргузинский хребет, средневысотные хребты на западном побережье Байкала и т.п.».

Таким образом, схема Дягилева представляет собой чисто биологическое построение, лишенное производственных элементов и в этом ее основной недостаток.

Выделение охотбиологических единиц в представлении Дягилева есть дело геоботаников. При этом по аналогии с геоботаниками – луговодами, болотоведами и т.п., он считает необходимым специализацию геоботаника-охотоведа и развитие охотоведческой геоботаники.

Методику выделения охотбиологических узлов Дягилев предлагает в следующей схеме:

1. Выделение и описание видовых типов охотугодий; этому должно предшествовать описание растительных ассоциаций, а затем сезонных стаций данного вида, как компонентов присущего ему видового типа охотугодий;

2. Работа по выделению стаций должна производиться в течение круглого года. Так как только при этих условиях возможно будет проследить приуроченность животных различным местообитаниям в течение круглого года;

3. При описании различных стадий в отдельности должно уделяться внимание их окружению другими стадиями, познав их взаимоотношения, мы сделаем охотхозяйственные выводы. Для выдела и распознавания стадий большое значение будут иметь массовые наблюдения и регистрации отдельных животных.

Таким образом, по схеме Дягилева, выделение охотугодий возможно лишь на основании громоздкой, по преимуществу ботанической работы.

Построения Дягилева встретили резкую критику В.М. Сдобникова (1937). Этот автор отверг предложенную Дягилевым величину – видовой тип охотугодий, подверг решительному сомнению необходимость и саму возможность существования «охотоведческой геоботаники» и правильности определения Дягилевым понятия стадии. Однако Сдобников не нашел возражений против самого основного из утверждений Дягилева, а именно признания геоботаники основой работы охотоведа по выделению охотничьих угодий.

Глубокие суждения в данной области принадлежат большому знатоку лесных охотугодий нашей страны Д.Н. Данилову. В последней работе (1953) он, не давая точного определения самому понятию охотугодь, так же кладет типы леса в основу их квалификации. При этом он вносит много нового в смысле определения типов леса с точки зрения пригодности для обитания животных. В частности, он подчеркивает, значение возраста насаждений для оценки их с охотхозяйственной точки зрения, упоминает о целесообразности учета сомкнутости полога леса для старых насаждений и т. п.

Не останавливаясь подробно на этой специальной работе, имеющей особое значение для лесничих, отметим, что автор не выходит из круга чисто биологических представлений об охотничьем уголье и это кажется слабой стороной данного исследования.

Подытоживая сказанное, приходится заключить, что вопрос об охотугодьях рассматривался до сих пор только с одной биологической точки зрения: ботанической, зоологической, экологической, а производственное его значение оставалось в тени.

Большой шаг вперед в этой области был сделан впервые В.Н. и Н.Н. Скалонами (1949, 1950). Занимаясь изучением беличьих угодий во время охотустроительных работ на Подкаменной Тунгуске и в Витимо-

Олекминском округе, они рассматривали вопрос с чисто производственных позиций. Положив в основу классификации таежных охотничьих угодий типы леса, они определили их ценность с точки зрения возможности добычи зверя, собственно белки, бывшей в те времена основным пушным видом охотничьего хозяйства этих районов.

Между тем, понятие «охотничье угодье» подразумевает участок площади, где производится охота, то есть представляет интерес и значение, прежде всего производственный – охотхозяйственный. Следовательно, отвлеченно-биологическое их определение или описание практики дает не много, в основу надо положить нечто другое.

Прежде всего, необходимо признать, что охотничьими угодьями могут называться только такие местообитания животных, где они могут быть использованы человеком посредством охоты. Стало быть, если местообитания (ассоциация ботаника, станция зоолога) не может служить местом охоты, оно не будет и называться охотугодьем. Естественно, что и качество охотугодья будет зависеть предпочтительно от возможности его использования, то есть доступности для охотника. В конечном счете, качество охотугодья будет определяться размером добычи (стоимостью продукции и трофеев в охотничьем хозяйстве), которую можно извлекать с единицы его площади посредством правильного использования госохотфонда.

Для того, чтобы быть в состоянии ответить на этот вопрос производства, мы должны знать хотя бы следующее. Сколько особей данного вида могут без ущерба обитать на единице площади данного угодья. Каков их естественный отход вообще и в зависимости от плотности. Сколько необходимо и достаточно брать особей с этой единицы площади для поддержания стада в нужном состоянии.

Приходится признать, что современный уровень знаний образа жизни охотничьих животных, равно среды их обитания не позволяет нам удовлетворительно ответить на эти вопросы.

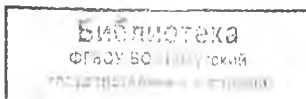
Взяв для примера соболя, мы можем сказать, что он лесной зверь. Почему он предпочитает жить в лесу так же, в общем известно. Но почему он придерживается тех или иных участков, предпочитает одни другим, можно только предполагать. Самые тщательные

ботанические и зоологические исследования, которые только производились до сих пор, не выяснили этого вопроса. В то же время, не прибегая к этим наукам, а наблюдая расселение соболя за последние десятилетия, и зная историю его промысла, мы можем сделать ряд включений производственного значения. Сведенный почти на нет хищнической добычей, соболь сохранился только там, где трудно было его добыть, а вовсе не в связи с тем или иным составом флоры и фауны участка. По мере увеличения численности этого хищника возрастает разнообразие стадий и растительных ассоциаций, в которых он успешно обитает. Когда количество соболей близко к насыщению, что уже известно в Сибири для больших территорий, он оказывается в состоянии жить не только во всех лесопокрытых, но и на многих открытых участках. Местами, как показали наблюдения 1953 года в бассейне Верхней Ангары, он выходит на луга речных пойм и питается ондатрой, забираясь в ее норы. По мере роста производственных успехов в расселении соболя, в которых роль ботаники и зоологии ничем не была выражена, отпадали и рушились глубокомысленные гипотезы, выдвинутые биологами тогда, когда соболь исчезал. Одни усматривали несомненную связь соболя с горным ландшафтом, другие объявляли неразрывную его связь с кедром, третьи признавали его шмырающим вследствие экологической неполноценности и т. д. Практика доказала беспочвенность этих умозрений.

Приведенный пример имеет общее значение. Признания, что растительность есть, в конечном счете, пища и среда обитания каждого из животных, мы должны подчеркнуть, что сложность взаимоотношений животного и растения весьма велика. Одних ботанических знаний вовсе недостаточно для того, чтобы определить причины обитания зверя в тех или иных ассоциациях или судить по ним о том, где он может или должен обитать на случай вселения. Тем более совершенно недостаточно геоботаники для хозяйственной оценки местообитаний, т. е. выделения охотугодий.

Сказанное в той или иной степени может быть отнесено ко всем охотничьим животным и в этом отношении они могут быть разделены на несколько групп.

Прежде всего, грызуны — животные наиболее связанные с растениями. Изо всех их только об ондатре можно, пожалуй, сказать,

что границы и качественные особенности свойственных ей угодий совпадают с растительными группировками. Это доказывают, например, работы А.А. Смиренского (1950 и др.). Однако же и для ондатры решающим фактором часто бывает не растительность, а гидрологический режим водоемов. В тайге же, где ондатра в малой плотности рассеяна на большой площади, привести характеристику ее угодий в соответствие с границами растительных ассоциаций вообще трудно.

Речной бобр, не менее чем ондатра, связан, казалось бы, с растительностью. К тому же он в меньшей степени зависит от гидрологического режима, будучи в состоянии приспособиться к своим нуждам многие не пригодные для непосредственного обитания водоемов посредством сооружения плотин. Связь его с растениями должна была бы быть наиболее четкой, так как этот грызун использует для питания ограниченное количество травянистых и ничтожное разнообразие древесных форм местной флоры. Однако, в действительности выделить и охарактеризовать геоботанически бобровые угодья очень трудно. Бобр чрезвычайно привередлив при выборе своих местообитаний. Десятки километров проплывает он во время кочевий, оставляя пробные погрызы на деревьях, посещая речушки и ручейки, выбирая места для поселений. Прожив некоторое время на облюбованном месте, бобры снова откочевывают, хотя на взгляд человека в брошенном обиталище ничто не изменилось и кормов достаточно. Люди поселяют бобров на участках тщательно выбранных по всем признакам, которые позволяют считать их наилучшими для этих зверей. Однако, сплошь и рядом бобры сразу же или вскоре уходят в другие угодья. Как видно наших знаний потребностей бобров совершенно недостаточно.

Белка имеет огромный ареал и разнообразие ее местообитаний чрезвычайно. Размещение по ним белки наиболее зависит от урожая древесных кормов. При этом, если белка прихотлива к выбору угодий в зависимости от их кормности, то совершенно равнодушна к другим растительным особенностям. Так, например, в глазах ботаников ассоциации соснового бора крайне разнообразны, а для белки бор вообще наихудшее угодье. Кедрачи для ботаника очень различны, а для белки наилучшие угодья вообще и т. д. Охотники говорят, что белка

бывает «кедровая», «еловая», «лиственничная» и т. д. Это определение характерно и полно производственного смысла. Однако, если белка «кедровая», то в борах ее не будет совсем, в лиственничниках почти, а в ельниках мало. Если же белка «сосновая», то все же в кедровнике она будет держаться в значительном количестве, кроме того, мало удовлетворяясь сосновым кормом, будет бродить по разным угожьям, включая березняки, в которых в кормный год их найти нельзя. Следовательно, для углубленного познания беличьих угожий широкие ботанические материалы вовсе не обязательны. Исследования должны быть направлены на совершенствование знаний по урожайности семян хвойных, установление закономерностей управляющих этим явлением, чем с успехом занимается Д.Н. Данилов.

Возьмем тарбагана – зверя преимущественно оседлого – целиком связанного с почвой и растениями. Оказывается, что камчатский тарбаган – степотонный альпинец – очень прихотлив в выборе местообитаний, как это показывают наши исследования в Баргузинском и Байкальском хребтах. Две пади, одинаково обращенные к солнцу и обеспеченные растительностью, одна богата тарбаганом, в другой они не живут вовсе. Совершенно по-разному восстанавливает этот грызун численность на угожьях одинаковых на миллион человека. Так, например, в большинстве участков альпийской зоны Баргузинского заповедника, где промысел тарбагана фактически прекратился более 20 лет тому назад, он или не восстановился или остается малочисленным. С другой стороны в белках Байкальского хребта, на широте северной части заповедника в былых его границах, где летом 1952 года местообитания этого вида были обнаружены студентами-охотоведами А. Гилевым и А. Романовым, положение иное. В тех угожьях, где промысел происходил всего лет 10 назад, и тарбаганы считались выбитыми поголовно, их плотность оказалась весьма значительной. Тарбаган сибирский – размещен в занимаемых им степях не столько в связи с растениями, сколько в зависимости от рельефа и строго сохраняет свои горно-степные навыки. Наоборот, близкий к нему тарбаган алтайский, прекрасно размножаясь в альпийской зоне горного Алтая, совсем не встречается в прилегающей Чуйской степи с ее типично монгольским ландшафтом. В то же время он успешно обитает в приалтайской степи и лесостепи до

Новосибирска и Томска, под Барнаулом встречается даже в лесонасаждениях, а в Кемеровской области, по сообщению В.К. Жарова, – в остепненных лесных участках, превратившись прямо в обитателя леса.

Обратившись к копытным, мы без труда убедимся, что для характеристики свойственных им угодий ботаника поможет мало. Слишком различны растительные ассоциации от Балтики до Колымы и от Хангая до Таймыра и всюду на них с успехом обитает лось. Определяя границы его ареала вообще и угодий внутри ареала, в первую очередь придется учитывать особенности снежного покрова, что в свое время убедительно показал В.В. Подаревский (1936). С рельефом, особенно с наличием отстоев, связано расселение марала, кабарги, отчасти косули, и для всех сохраняется значение снежного покрова. Глубиной снега, а не кормами определяются границы кабана в юго-восточной Сибири, как некогда они определялись для горных баранов. Одним словом, угодья копытных отнюдь нельзя охарактеризовать только ботанически.

В еще большей степени сказанное относится к хищным. Только крупнейшими фитогеографическими единицами – ранга биохора – можно определять зависимость их от растительности. Если же говорить о таких широко распространенных зверях как лисица, волк, горностаи и т. п., то для них определять угодья нельзя не только ботанически, но и географически.

Для того чтобы классификация охотугодий имела производственное значение, она должна быть пригодной хотя бы для основных охотничьих животных; такой сейчас еще нет. Изучение взаимосвязей животных с растениями хотя и полезно, но, как мы видели, надежных результатов не дает. В дополнение к ним, в практике охотустройства, охотоведу приходится обращаться к сведениям о продуктивности тех или иных участков, что оказывается чрезвычайно полезным.

Основываясь на многолетнем опыте такой работы, мы считаем необходимым, отказаться от определения понятия «охотугодье» лишь растительными показателями и сведениями об образе жизни животных. Оно должно определяться только в зависимости от выхода ценностей с единицы его площади. Если мы утверждаем, что охотничье хозяйство

есть категория не биологическая, а социально-экономическая, то и основной элемент этого хозяйств так же не есть категория биологическая (ботаническая, зоологическая), а хозяйственная. Охотугодьями мы обеспечиваем охотпользователей для того, чтобы они могли вести охотничье хозяйство – в этом основа. Следовательно – классификация и оценка этих угодий должны зависеть главным образом от их производственной ценности.

Охотхозяйственная ценность обычно определяется размером добычи разных видов. Максимальной она будет в случае использования всех видов госохотфонда населяющих данное угодье. Надо сказать, что это и есть условие, которое в наибольшей степени определит рентабельность самого хозяйства и на его соблюдение надо обращать самое пристальное внимание.

Литература

1. Гассовский Г.Н. Охотничий промысел бассейна р. Анадыря и его реконструкция. Тр. НИИ Полярного земледелия. Л.: ГУСМП. 1939.
2. Данилов Д.Н. Принципы типологии и бонитировки охотничьих угодий // Вопросы биологии пушных зверей. М. 1953.
3. Дягилев В.Ф. Геоботаника в охотустройстве // Советская ботаника. 1934. № 4.
4. Дягилев В.Ф. Минимум – ареал улсальской школы геоботаников в практике охотоведа-биолога // Советская ботаника. 1936. № 5.
5. Книзе А.А. и Леонтьев В.В. Основные вопросы охоттаксации. М.: КОИЗ. 1934.
6. Подаревский В.В. Проблемы охотхозяйственной акклиматизации в Восточной Сибири. Иркутск. 1936.
7. Полубояринов Г.В. Организация охотничьего хозяйства. Гостехиздат. 1934.
8. Сдобников В.М. О принципах классификации охотугодий // Советская ботаника. 1937. № 3.
9. Скалон В.Н. и Скалон Н.Н. Белка и опыт оценки беличьих угодий // Тр. Кяхтинского краеведческого музея и Кяхтинского отделения ГО СССР. Т. XVI, вып. 1. 1949.
10. Скалон В.Н. и Скалон Н.Н. Белка в верховьях Нижней и Подкаменной Тунгуски // Известия Биолого-Географического Института при Иркутском Госуниверситете. Т. XII, вып. 2. 1950.

ПРИРОДА МОНГОЛИИ В ТРУДАХ ПРОФ. В.Н. СКАЛОНА

Дёмин А.И.

Байкало-Ленский госзаповедник, Иркутск

Как известно, творческая деятельность проф. Василия Николаевича Скалона была широка и многогранна. Его научные